

СЕМЬЯ САДОВСКИХ

1. ДЕД

Внук не помнит деда.

По отрывочным рассказам отца, у внука составилось неясное впечатление о родоначальнике их артистической династии. Судя по всему, это был нелюдимый, необщительный человек, огромный талант и по-настоящему русский актер.

Он сильно тосковал по такому драматургу, который своими пьесами дал бы возможность актеру раскрыть всю глубину русской природы, русской души. И когда появился Островский, дед принял его сразу и всего. В драматургии Островского он увидел не театральную, а простую и великую правду жизни, которая озарила его, зажгла, вдохновила. В этих пьесах разжигалась вся его могучий талант, огромная самобытная сила артиста.

Известный критик того времени Аполлон Григорьев, который всю свою жизнь провел в театре на галерке среди студентов, глядя на игру Садовского в роли Любима Торцова в «Ведьме» не порок, не мог сдержать восторга и на весь театр закричал:

— Конец мелодрам! Шире дорогу, — Любим Торцов идет!..

Роль Любима Торцова в исполнении деда явилась новым словом в искусстве. Об этой роли и ее исполнителе заговорили всюду. Щепкин, уже состарившийся и больной, был настолько потрясен игрой Садовского, что решил «испробовать» свои силы в этой роли, решил вступить в соревнование с Садовским. Любим Торцов стал его неотступной мечтой. Позднее он писал своему сыну, что сыграть Любима Торцова он должен был во что бы то ни стало: «это являлось потребностью моей души».

И Щепкин сыграл Торцова с тем великолепием, которое свойственно было его зрелому мастерству. Он нашел иные пути для раскрытия образа, глубоко отличные от тех, которыми шел Садовский. Но уже один тот факт, что Щепкин не хотел уступать первенства в исполнении роли Любима Торцова, говорит о том, какое место в истории русской актерской куль-

туры занимает первый артист Садовский, дед ныне здравствующего народного артиста СССР Прова Михайловича Садовского.

2. СЫН

Михаил Садовский был разносторонне образованным и любознательным человеком, несмотря на то, что ему пришлось из-за болезни глаз покинуть гимназию с четвертого класса. Знания его были обширны и поистине энциклопедичны.

Он был блестящим лингвистом, — в некоторых наших библиотеках сохранились его переводы с французского, итальянского, испанского, немецкого и польского языков. К тому же он сам написал два тома беллетристических рассказов, пьесы: «Луца — потемки», «В мире, что в море» и пьесу «Феодора» из византийской жизни, эпохи царствования Юстиниана. Первая — «Луца — потемки» — шла на сцене Малого театра, однако вторая, так же как и третья, не ставилась. Автор не очень горевал, что его вторая пьеса не увидела света. Его убивало, что огромный труд, который он затратил на работу над «Феодорой», пропал впустую. Над этой пьесой он работал с упоением и страстью. Его пленили образы Юстиниана и гетеры Феодоры, которую Юстиниан нашел в кабаке и сделал своей женой.

Наконец пьеса была готова. Она была написана белыми стихами. Михаил Садовский прочитал ее в кругу артистов и литераторов, — пьеса встретила полное одобрение. Полицейская цензура тоже не нашла в ней ничего предосудительного. Но в те времена существовала целая цензурная иерархия. И когда пьеса попала к духовенству, — Михаил Садовский понял, что тут ей наступил конец.

— Вы что же это, батенька, задумали? В публичный дом святых переселить решили? — задали не без ехидства вопрос автору.

Оказывается, что Феодора, которая всю жизнь провела в кабацком разгуле, была причислена церковью к лику святых. Разыгрался крупный скандал. Стервятники в рясах заклевали пьесу, и она так и погибла в каких-то канцелярских дебрях.

Автор ответил духовенству язвительной эпиграммой. Эпиграмму подхватил весь театр.

В то время трудно было по-настоящему творить и актеру и драматургу. Во главе театра стояли люди, которые ничего общего с искусством не имели. Театром одно время руководил офицер пехоты Пчельников. Это был казенный и невежественный человек. Он заботился только о том, чтобы никакой крамолы не было. Рабочие смены должны были становиться «во фронт», козырять и отвечать «так точно», «никак-с нет-с». Потом этого пехотинца сменил кавалерист — офицер лейб-гвардии кавалерийского полка Теляковский. Этот пытался внедрить в театр уже кавалерийский устав. Свидетель этого произвола Михаил Провович написал полные горькой иронии строки:

Управляла когда-то пехота
Знаменитым искусства рассадником,
А теперь управляется забота
Норшила почему-то ко всаднику.

Нужно было обладать способностями гиганта, чтобы в таких условиях создавать на сцене яркие, незабываемые образы. История театра давно уже оценила Михаила Садовского как актера, и сейчас здесь незначителен повторять эту оценку.

Михаил Садовский, так же как и Пров Садовский, который своим исполнением роли Любима Торцова вызвал у Аполлона Григорьева громкий крик восторга, прозвучавший на всю Россию, был артистом большой жизненной правды. Его искусство было реалистично и волнующе, как сама жизнь.

3. ВНУК

Ему сейчас 64 года. И зовут его точно так же, как и деда: Пров Михайлович.

Когда ему было 12 лет, он играл уже в любительских спектаклях в пьесе своего отца «Луца — потемки». А еще до этого, когда ему минуло семь лет, он, едва овладев букварем, сам написал пьесу, название которой теперь не помнит. Такова была семейная обстановка. Театром жил весь дом. Дети собирались в кружок, разучивали пьесу, родители нанмали помещение, посылали за разрешением в полицию, при-

глашались знакомые, иногда даже продавались билеты, и представление шло полным ходом.

Но театр не увлекал. Это была такая атмосфера, в которой жил. По-настоящему хотелось работать только в цирке. И это было подлинное увлечение. Манеж, веселая музыка, острый запах конюшни, раскрашенный клоун и он — сильный, ловкий, гибкий — продлевает различные сальто на скачущей лошади. Об этом мечтал днем и ночью, во сне и наяву. Все свободное от школьных занятий время пропало в цирке на манеже. Выучился даже стоять ездить на лошади.

Неизвестно, кем кончилось бы это увлечение, если бы однажды директор цирка после занятий не взял за руку ученика, не усалил рядом с собой и не сказал с полной откровенностью о том, что из юного Садовского никогда не выйдет настоящего наездника.

Мальчик был ошеломлен.

— Почему, господин директор?

— Одним словом, не выйдет... — твердо повторил свои слова директор.

— Но почему же, почему?!

Директор сделал паузу и с грустью сказал:

— Видите ли, дорогой... Настоящим наездником может стать только тот, кого я могу как следует дупить, если он делает промах во время занятий. Иначе какое же это учение? В нашем цирковом деле кнут должен стрелять на протяжении всей жизни артиста. Смолodu бьют артиста, когда его учат, а потом артист бьет, когда сам учит кого-нибудь. А бить сына и внука знаменитых Садовских, извините, я не могу. Пробовал, но рука не поднимается...

Юный Садовский покинул манеж, ошеломленный, подавленный. Пришлось навсегда распрощаться с мечтой о цирковом наезднике. В этом горе утешал его писатель Писемский, который на склопе своих лет нашел привязанность у маленького Прова.

Потянулись годы учебы в реальном училище Мазинга. Все так же ставились с помощью родителей любительские спектакли, все так же юный Пров принимал в них большое участие, но разбитая мечта о цирке долго еще жила в нем.

Но вот училище закончено. Сданы все экзамены. Готовится большой выпускной вечер. И Пров решил прочитать на этом вечере Пушкина. Он выбрал такое стихо-

творение, которое было тогда запрещено цензурой. Оно нравилось ему. И с ним он выступил. Читал он с большим подъемом. Помнит, что у многих слушателей блеснули глаза. Когда кончил, его наградили долгими и шумными аплодисментами. И только инспектор Ярцев, который также присутствовал на вечере, ползвал к себе чтеца и, глядя на него пьяными глазами, начал бубнить:

— Что такое ты там читал, а? Пушкина, а? Тут что-то не так, а? Революцией пахнет, а?..

Он был вдребезги пьян, инспектор Ярцев, и долго что-то бормотал, но его уже никто не слушал.

Спустя несколько дней после выпускного вечера молодой Пров ползнул к отцу и сказал, что хочет идти учиться в театральную школу. Отец удивился:

— Так, так... — сказал он. — Дед, отец и внук...

Потом улыбнулся и шутливо добавил: — Чорт с тобой!..

В школе и потом уже на сцене Малого театра, где играли дед и отец, ему была предоставлена полная возможность развернуть все свои способности. Ермолова, Ленский, Сумбатов-Южнн, блестящие актеры русского театра, были воспитателями внука и сына Садовских. Единственное, в чем ущемляли молодого Садовского, — это в деньгах. По тогдашним правилам, каждый актер, который пришел из школы в театр, должен был в течение трех лет получать 50 рублей жалованья в месяц. Никаких исключений не делалось ни для кого. Но молодому Садовскому даже спустя три года ни копейки не прибавили: чиновники помнили злые эпиграммы отца, и так как они не могли без скандала ущемить известного актера, всю свою злобу направили против молодого актера Прова Садовского. Прову Садовскому уже поручали большие роли, играл он их с блеском, но деньги получал те же, что и актеры, служившие в театре на выходах.

Сейчас это все — давнее. Внуку также досаждали царские чиновники: «Этак можно играть, а вот этак нельзя». Но он дожил до счастливых дней великой сталинской эпохи, когда может играть так, как подсказывает ему сердце артиста, и играть те роли, которые зажигают его.

Народный артист СССР Пров Михайлович Садовский является продолжателем славных традиций реалистического ма-

стерства, которым верны были его дед и отец, которым всегда был верен и Малый академический театр.

Эти традиции освящены горячей любовью к родине, обогащены новыми социалистическими отношениями между людьми советского общества, которое с огромным уважением относится к нашей интеллигенции и к одному из славных ее представителей — Прову Михайловичу Садовскому. Наш народ, большевистская партия, правительство, наградившее Садовского орденом Ленина, высоко оценили заслуги артиста, связавшего себя на всю жизнь с одним из лучших театров нашей страны.

В первые годы революции, когда советское искусство только нащупывало пути для своего развития, Малый театр — театр Щепкина, Ермоловой, Садовских, колыбель великого русского драматурга Островского — твердо стоял на реалистической платформе. Мутная волна всяческих формалистских трюкачеств захлестывала многие театры. Различные «школки» проповедывали полное изгнание со сцены чувств, эмоциональной трактовки образа. Появились «теории» о том, что «человек — машина».

В те дни Малый театр вместе с МХАТ продолжал честно и самоотверженно служить искусству большой правды жизни. «Леваки» объявили тогда этот театр отсталым, заплесневевшим.

Время унесло к далеким берегам прошлого мутную волну всех этих течений. Кто вспоминает сейчас бредовые «теории» о том, что актер должен воплощать на сцене «человека-машину»? Никто. А Малый театр, несущий народу подлинное искусство, так же как и МХАТ, стал одним из любимейших театров в стране. И совсем не случайно, что именно в этом театре на протяжении целого столетия — из поколения в поколение на одной и той же сцене — служила великому делу одна и та же семья: дед, отец и внук.

И сейчас, когда советская общественность отмечает необычайный юбилей столетней деятельности выдающейся семьи русских актеров, народный артист СССР Пров Михайлович Садовский достойно продолжает на сцене Малого театра традиции своего деда и отца, которые отдали искусству всю свою жизнь.

ЛОСЬ,